

— Геннадий Викторович, 1 апреля — День смеха, стало быть, профессиональный праздник юмористов. Вы его отмечаете?

— Представьте, нет. Не понимаю, почему надо смеяться только 1 апреля? Уважать женщин именно 8 марта? А 7 ноября непременно славить Октябрьскую революцию или вот теперь — ее "отмену"?

— И никаких курьезов в этот день с вами не случается?

— Как-то не обращал внимания. Хотя... 1 апреля семьдесят третьего года я был принят на работу в организацию "Москонцерт". Ничего смешнее не придумаешь! А вообще, в жизни курьезные случаи бывали. К примеру, шел мой сольный концерт в Зеленом театре парка культуры и отдыха имени Горького. И какой-то человек в весьма возбужденном состоянии (возможно, слишком большую дозу спиртного принял) все время выкрикивал нечто агрессивное в мой адрес, короче, сильно мешал. Когда же концерт закончился, он ворвался ко мне — за кулисы и представился: "Я — из Сталинграда! Понял!!! Не из Волгограда, а из Сталинграда". Тут уж я подумал, что совсем плохо дело. И вдруг он меня схватил, стал обнимать и спрашивать: "Почему ты за нас? Ну почему ты так за нас?" Я часто вспоминаю этот случай и думаю: надо же, как обманчиво первое впечатление. Тебе кажется, что человек что-то против тебя имеет, а на самом деле это он так свои эмоции выражает.

Или вот вам еще эпизод. Я играл в Театре эстрады "Масенские трагедии", уставал очень — нагрузка была большая. Помню, после спектакля вышел на пустынную набережную, счастливый, что все хорошо прошло. Около служебного входа несколько женщин увидели меня и сказали: "Позор! Очень плохо!! Позор!!!"

Сзади шел режиссер спектакля Роман Виктюк. Я почему-то с торжествующим видом на него посмотрел — будто это не я играл — и победно спросил: "Ну, ты слышал?" Виктюк трагическими глазами на меня взглянул и произнес: "Боже мой, посмотри, какие у них шапки!". И я понял, этот режиссер и эти зрители — совершенно не пересекающиеся прямые, а артист — где-то между ними.

— А я-то думала, что вы задасканы публикой!

— Ну, если я буду жаловаться, что же должны делать все остальные? С человеческой любовью, лаской, заботой встречаюсь практически на каждом шагу. В этом смысле я, конечно, баловень, за что хочу поблагодарить всех — и "правых", и "левых", и "центрис-тов".

Я, в общем, считаю, что пытаться найти общий язык надо со всеми. Скажем, я категорически не приемлю то, что "излучают" полковник Петрушенко или генерал Макашов. Но вот Алксниса всегда слушаю и читаю очень внимательно, при всем моем расхождении с ним в позициях: у него все-таки рациональные зерна попадаются. Я больше скажу: если оторосить эту угасающую манеру Жириновского, даже там можно встретить всилески непараноических мыслей. И разве можно обвинять человека в том, что он хочет видеть Россию единым государством?

— И это говорите вы, пародировавший Жириновского на митинге у Белого дома!

— Хотеть он может и мечтать может. Но вот способен... Скажем, какой-то человек заявля-

ет: я хочу жить и не голодать. Это понятное желание. Но если он, через запятую, продолжит: поэтому пойду и украду, а если не отдадут, убью и заберу еду — это уже уголовщина. Не могу поверить, что человек, утомленный таким количеством дипломов и образований, может убеждать весь мир в полезности кровавых насилий, прикрываясь тем, что это спасение от процессов, над которыми иногда люди уже не властны. Либо это актерство и авантюризм, либо декларация бандитизма. И тут я действитель-

Помню очень неприятную беседу в Комитете государственной безопасности в восьмидесят третьем году: я уже как-то об этом рассказывал. Кому-то сильно не понравилась тогда миниатюра Ефима Смолина "Письмо к генералу". И человек, который беседу вел, мне сказал: "Вы понимаете, что подняли руку на святое?" Он и ему подобные действительно считали, что КГБ — это святое...

— Как вы думаете, на вас было там заведено досье?

— Уверен, тем более что моя

ходить, ночевать в любой ее точке. Израильское гражданство я принял осознанно. Я — человек, родившийся в России, это моя родина. А поскольку родина моих предков — Израиль, я считаю, что и он — моя родина. Я же не претендую на то, что моя родина — Аргентина или Казахстан, например.

И все эти соображения не мешают мне оставаться москвичом. Я и на свет здесь появился, хотя ходит легенда, что я — из города Дербента. При чем об этом говорят с такой

Хотя получил приглашение на одну из главных ролей в пьесе одного американского автора от Романа Виктюка.

— Такое впечатление, что вы от жизни все, что могли, получили. Это так?

— Получил, да! Отдал меньше! Все время учебы, например, я стремился поскорее достичь результата, часто "пробегая" процесс. И эти изыскания очень чувствуются: я — явный недоучка. Мой профессиональный аппарат, на мой взгляд, разработан на одну десятую своих возможностей. Это не кокетство, поверьте, — так и есть на самом деле. После того как я увидел репетицию Владимира Горовица в Большом зале консерватории, понял: максимум, что я мог бы делать, — это таскать роуля.

— Скажите, а каким был мальчишка Хазанов — отличником, хулиганом?

— Отличником... до четвертого класса. Я был абсолютно холиерическим ребенком. И очень ленивым: хорошо занимался только тем, что мне нравилось. У меня в средней школе была преподавательница математики, которая ухитрилась заставить полюбить свой предмет. Это меняло, ярко выраженного гуманистара! И я вспоминаю, как, уже уйдя из инженерно-строительного института в цирковое училище, я приезжал после занятий и... открывал учебники по математическому анализу и аналитической геометрии. И мне так нравилось решать эти задачи. А вот физику и химию не знал в совершенстве, потому что не любил.

— Вы смешливый человек? Сами смеетесь, когда себя слушаете?

— Мне кажется, что по природе я очень смешливый. Но когда слышу себя — редчайший случай, если могу улыбнуться. Все остальное приводит меня в состояние почти физических страданий. Я в этом смысле скорее солидарен с теми, кому я не нравлюсь. Вижу: здесь не так, здесь плохо, здесь совсем нигде не годится. В общем, я от себя не в восторге.

— Все мы наперебой жалеемся, что плохо живется. А повод для смеха у нас сегодня есть, как считаете?

— Повод есть всегда. Если в смешной форме отражается наша жизнь, это же смешно. Правда, смешно по форме, а по сути... Могу рассказать анекдотическую историю, правда, не очень приличную. Как-то летним вечером я влетел, что

называется, на всех парах, в Дом кино — опаздывал. Пробежал вестибюль, стал быстро подниматься по лестнице. И вижу: женщина поднимает с пола своего подгулявшего спутника, ставит его к стенке, а он опять сползает. Вдруг она углядела меня, стала бить этого мужчину по щекам и приговаривать: "Смотри, смотри, Хазанов!" Тот вдруг очень собрался: "Где?" — "Да вон, по лестнице поднимается!" Ее спутник вперился в меня глазами и на весь вестибюль сказал: "Ну и... с ним!"

— Говорят, вы суеверны...

— Очень. Верю в приметы, гороскопы. И как не верить? В восьмидесят седьмом году я с женой возвращался из гостерольной поездки по Соединенным Штатам. 15 декабря мы сели в Вашингтоне в самолет, он вырвался на взлетную полосу и вдруг вернулся в исходное положение. Как выяснилось потом, машина распахнулась в воздухе. И представьте, в Москве я открыл журнал "Вок" с гороскопом для моего знака — Стрельца, и там было написано, что 15 декабря человек получит самый большой подарок. А мне ведь подарили жизнь! И еще в тот же день было подписано решение Моссовета об открытии театра.

— Свое будущее хотели бы знать?

— Хотел бы, как это ни странно. Человек должен знать будущее, чтобы не быть ленивым. Не случайно на Западе медики предпочитают говорить больному о его заболевании, даже если оно смертельно. И человек находит в себе совершенно непознанные силы, чтобы бороться с болезнью.

— А будущее России?

— Не сомневаюсь, что выплывет, как бы ни было трудно и тяжело. И даже если завтра демократия в очередной раз потерпит поражение на этой земле, я все равно буду верить, что это — ненадолго. Ведь если человек из самолета прыгает с парашютом, он обязательно должен попасть на землю: это закон всемирного тяготения.

— Хотя кто-то из прыгнувших может и разбиться?

— К великому несчастью, да... Я этого не отрицаю. Я не хотел бы, чтобы мой оптимизм граничил с идиотизмом. Я скорее — пессимистический оптимист...

Беседу вел
Татьяна ИСКАНЦЕВА.

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЙ ОПТИМИСТ

любостью! Мне иногда становится даже жалко, что я не оттуда. Но я родился в Замоскворечье, в переулке, который тогда назывался Четвертый Коровий. Теперь он, правда, Добрынинский...

— А теперь где живете?

— В центре, в трехкомнатной квартире общей площадью восемьдесят девять метров. На троих у нас — три небольшие жилые комнаты, так что у меня даже кабинета нет. Зато есть встроенные шкафы и высокие потолки, которые создают впечатление простора.

— При встрече с вами люди как бы запрограммированы на улыбку. Я вот на вас смотрю — и сияю. Каково же домашним с таким человеком?

— Это великое счастье — когда люди улыбаются, глядя на тебя. И я выхожу на сцену с опущением, что всех люблю. Но наступают моменты, когда уже хочется ото всех спрятаться: я же не машина до производству улыбок и не могу быть артистом все двадцать четыре часа в сутки. Да никто и не ждет от меня дома, чтобы я их веселил. Атмосфера у нас серьезная, и мне даже иногда хочется, чтобы она была чуть-чуть повеселее. Но, к великому сожалению, все в нашей семье тяжело работает. Дочь заканчивает хореографическое училище и так устает, что, когда возвращается с занятий, сил на улыбку нет. А жена, на мой взгляд, выдерживает уж совершенно нечеловеческие нагрузки. Помимо того, что Злата — директор театра "Моно", она еще возглавляет коммерческую фирму "Интертоп", которая очень помогает существовать театру "Моно". Да и весь наш быт на жене. Так что я ей не завидую.

— А ваш "Моно" — семейное предприятие?

— Нет, государственное учреждение. Просто мы — театр хозрасчетный и никакой дотации не получаем. Спасибо внешнеэкономической ассоциации "Интератро", которая с пониманием и любовью отнеслась к нашим проблемам, к строительству крохотного помещения для театра — раза в два больше, чем моя квартира.

— Пока дело делается, вы продолжаете кочевать, снялись в "Маленьком гиганте большого секса", на мхатовской сцене выступили. Но почему в такой маленькой роли...

— В спектакле "Игроки XXI" меня привлекала сама идея побывать в окружении замечательных актеров. Когда Юрский меня пригласил, я пришел с одной задачей: выполнить просьбу режиссера по возможности честно и не тянуть "одеяло" на себя. А прочитав сцену, порадовался, что она — небольшого объема. Не надо забывать, что и на эстраде я начинал с небольших номеров: сольные вечера появились много позднее. Но нести такой груз ответственности на театральной сцене я пока не готов.

фамилия была в списке тех, у кого телефоны прослушивались. Я бы обиделся, если бы в нем не оказалось. Не хочу сказать, что был дисидентствующим элементом — это было бы слишком самонадеянно, не такой уж я боец за справедливость. Не было у меня для этого ни смелости, ни желания положить на алтарь что-либо из бытовых удобств. Но все-таки имел большую аудиторию и под руку с властями никогда не ходил. И сейчас стараюсь жить и поступать так, как считаю нужным, без оглядки на властей и общественное мнение.

Иногда мне говорят: как это так, ты получил второе гражданство — и ты же на "козырьке" Белого дома скандируешь: "Россия!" А я не вижу в этом ничего удивительного. И нет ничего противостественного в том, что я, скажем, по дороге на благотворительный вечер, который устраивает какая-нибудь еврейская организация, могу пожертвовать доступную для меня сумму на восстановление православного храма. Потому что все мы — люди и ходим под единым Богом. Или абсолютным космическим разумом, если хотите. Разнятся только интерпретации, придуманные теми, кто живет или жил на Земле.

— В Тель-Авиве у вас сейчас дом, квартира?

— Ничего абсолютно. У меня — целая страна! И я могу жить,

тально не понимаю: существуют же какие-то законы против пропаганды насилия, Уголовный кодекс наконец!

По-моему, наша власть очень вяло обороняется — это как детская болезнь демократической левизны. Это ж надо, в свое время придумали статью о защите чести и достоинства президента. Должна быть защита чести и достоинства любого гражданина — и становиться для этого президентом, вовсе не обязательно!

— Немало вождей вы вблизи перевидали, говорит, даже у Брежнева на даче гостили. Как впечатление?

— Нет, у Брежнева не гостил. Был на правительственной даче министра обороны, у Гречко, еще в каких-то санаториях Четвертого управления Минздрава СССР. Ну, ничего впечатление. Как на кладбище, только с едой. Вообще, начальства было так много...

АПКО "ФИМИС"

Наши услуги:

- изготовление печатей и штампов любой сложности в присутствии заказчика;
- разработка товарного знака;
- юридическая подготовка документов под ключ;
- изготовление стеновых блоков.

Предоставляем складские помещения. Оказываем транспортные услуги.

Предлагаем товары народного потребления.

Звоните с 10 до 18 часов ☎ 359-69-28. Факс 359-40-29.